

Oxymoron in language consciousness and communicative practice

V. I. Karasik¹

¹Pushkin State Russian Language Institute, 6 Akademika Volgina str. Moscow, 117485, Russian Federation

DOI: 10.18255/2412-6519-2022-1-114-123

Research Article
Full text in Russian

The paper deals with a stylistic figure «oxymoron» which expresses a polar contradiction of concepts. Sematic and pragmatic properties of this stylistic device have been described. Semantically, simple and complicated (metaphoric) types of oxymoron may be singled out. Simple oxymorons include occasional units made by combinations of affixes or roots with contradictory meanings in compound words. Standard attributive nominal collocations make the majority of oxymorons. The simplest type of such collocations is a single-root word combination with a negative prefix for a part of the dyadic unit. Elaborated oxymorons are formed with constructions formed on the basis of the formula «Though A, but B» (e. g. They have never lost a chance to lose a chance). A special subgroup of oxymorons is made of words including a negative component which is not directly expressed in the affix. Oxymorons are often used as headlines because of their high energetic potential. Another subgroup of the figures in question may be defined as metaphoric oxymorons, both parts of their dyadic unit is semantically transformed. A pragmatic approach to a description of oxymorons makes it possible to characterize the main text types attracting such stylistic figures. Pragmatically, ironical, emblematic and symbolic varieties of this stylistic figure are described. I argue that in habitual and publicist communication oxymoron is used for a comical effect, whereas in aphorisms and poetry it aims to paradoxically express a new meaning.

Keywords: oxymoron; Stylistics; Semantics; Pragmatics; irony; emblem; symbol

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Karasik, Vladimir I.	E-mail: vkarasik@yandex.ru
	ORCID: 0000-0001-8306-5317
	Doc. Sc. (Philology), Professor

For citation: Karasik V. I. Oxymoron in language consciousness and communicative practice // Social'nye i gumanitarnye znaniya. 2022. Vol. 8, No 1. P. 114-123. (in Russ.)

Оксюморон в языковом сознании и коммуникативной практике

В. И. Карасик¹

¹Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, ул. Академика Валгина, 6, Москва, 117485, Российская Федерация

DOI: 10.18255/2412-6519-2022-1-114-123
УДК 81'27

Научная статья
Полный текст на русском языке

Рассматривается стилистическая фигура «оксюморон», выражающая полярное противопоставление понятий. Выделены семантические и прагматические характеристики этого приема. В семантическом плане можно выделить простые и метафорические (осложненные) оксюмороны. Простые оксюмороны включают окказиональные образования, в составе которых наблюдаются сочетания аффиксов либо корней с противоположным смыслом в сложных словах. Стандартные атрибутивно-номинативные сочетания образуют преобладающее число оксюморонов. Самый простой тип таких единиц – сочетания однокоренных слов, одно из которых имеет отрицательный аффикс. Выделяются также высказывания, которые являются развернутыми оксюморонами, в их основе лежит уступительная конструкция «хотя А, но Б». К следующей разновидности простых оксюморонов относятся словосочетания, в которых семантика одного из слов включает признак отрицания, но этот признак не находит формального выражения в аффиксе. Высокая энергетика оксюморонных словосочетаний способствует тому, что они становятся заглавиями текстов, определяя векторы их постижения. Метафорическая антитеза представляет собой более сложное семантическое образование, в котором переосмысливаются оба члена словосочетания. Прагматический подход к описанию оксюморонов позволяет охарактеризовать основные типы текстов, в которых употребляются такие словосочетания, в которых реализуются культурно обусловленные иронические, эмблематические и символические контрадикторные приемы столкновения смыслов. Показано, что в обиходном общении и публицистике оксюморон используется в основном для достижения комического эффекта, в афористике и поэзии – для парадоксального выражения нового смысла.

Ключевые слова: оксюморон; стилистика; семантика; прагматика; ирония; эмблема; символ

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Карасик, Владимир Ильич

Email: vkarasik@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-8306-5317

Доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего и русского языкознания

Для цитирования: Карасик В. И. Оксюморон в языковом сознании и коммуникативной практике // Социальные и гуманитарные знания. 2022. Том 8, № 1. С. 114-123.

Введение

Речевая стилистическая фигура «оксюморон» состоит в намеренном сочетании слов, обозначающих противоположные качества (*весёлая грусть*). По своей сути это – антитеза, противопоставление. Столкновение противоположностей делает высказывание абсурдным (*Царь был беден, но богат*). Но людям свойственно искать смысл в абсурде, не случайно знаменитая фраза Н. Хомского «*Бесцветные зеленые идеи яростно спят*» получила неабсурдное развитие в шутовском четверостишии И. Ревзина: «*Идея яростно спит, ворочается во сне... Идея в висках стучит, нашептывая мне*». Систематизация различных видов антитезы представляется интересной для понимания выразительных возможностей языка и специфического использования этих возможностей в разных коммуникативных ситуациях. С учетом возрастания значимости игрового коммуникативного поведения в наше время изучение разных типов смыслового контраста открывает новые перспективы для антропологической лингвистики [1].

Семантические разновидности оксюморона

Семантика и прагматика оксюморона не раз привлекала к себе внимание исследователей [2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 13; 14; 15; 16; 17; 18; 19]. Этот стилистический прием обычно рассматривается как разновидность контраста, образованного понятиями, которые логически исключают друг друга [2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 13; 14; 15; 16; 17; 18; 19; 20; 21; 22]. Подчеркивается паралогический характер этого речевого приема, назначение которого – выразить сложный и противоречивый характер описываемого объекта и дать ему авторскую оценку [23]. В. П. Москвин относит оксюморон к фигурам нарочитого алогизма, включающего также такие приемы, как амфигурия (шутивно-игровое нагнетание заведомо неправдоподобных сочетаний), зевгма (сочетание слова с формально однотипными, но содержательно разнородными словами), паралепсис (упоминание говорящим того, о чем он обещал молчать), апофазия (опровержение своей высказанной точки зрения), силлепсис (нарочито алогичное перечисление объектов), гистерология (смешение логической последовательности описываемых событий) [24]. Т. Г. Бочина предлагает рассматривать оксюморон в составе семантического поля контраста, в которое входят антитеза (два высказывания, находящиеся в отношениях противоположности), акротеза (синтаксический контраст утверждения и отрицания), дезидентификация (модальный контраст признаков возможности / невозможности и наличия / отсутствия действия), оксюморон (семантически полярные элементы словосочетания), ирония (оценочный контраст языкового значения и речевого смысла) [25]. Прагматическая цель намеренного алогизма состоит в построении комического эффекта либо в попытке выйти на новое, необычное осмысление и обозначение какого-либо состояния, качества или явления. Основная сфера использования оксюморона – художественный текст и публицистика. Оксюморон используется в речи со времен античной риторики, как и другие фигуры алогизма, это видно по их греческому наименованию.

Можно выделить следующие семантические и прагматические разновидности оксюморона.

Простая антитеза качеств прослеживается в словосочетаниях *горячий лёд, тихий грохот, медленно мчаться*. В этих коллокациях сталкиваются противоположные значения слов, выражающих контрастирующие пресуппозиции: лёд является холодным, грохот по определению громок, мчаться – значит передвигаться быстро. Как и другие стилистические приемы, оксюморон легко моделируется по исходной схеме противопоставления признаков (*безголосый певец, энергичный паралитик, щедушный силач*,

объяснить путем затуманивания). Такое противопоставление обычно сопряжено с прямо выраженной или выводимой оценкой, при этом положительная и отрицательная оценки могут относиться как к определяющему, так и к определяемому слову. Подобно тому, как есть границы метафоризации, выходя за которые высказывание становится абсурдным, аналогичное положение дел относится и к оксюморону (**образцовая муть*), хотя при желании можно подобрать контекст, в котором подобные словосочетания получают смысл.

Простая антитеза в оксюмороне распадается на несколько разновидностей по формальным и содержательным признакам.

Словообразование в русском языке даёт возможность построить окказиональные оксюморонные единицы *недоперевыполнил план, маловысокохудожественное произведение*. Подобные слова образуются для комического эффекта, при этом их содержание представляет собой своеобразную матрёшку: внешнее отрицание накладывается на положительную основу, ставшую устойчивым комплексом и воспринимаемую как штамп. К числу редких случаев оксюморонного словообразования относятся сложения противоположных по значению корней слов (*глупоумник, царераб*) [26, с. 242], а также игровые телескопические образования (*великарлик – великан + карлик*).

Стандартные атрибутивно-номинативные сочетания образуют преобладающее число оксюморонов. Самый простой тип таких единиц – сочетания однокоренных слов, одно из которых имеет отрицательный аффикс: *невесёлое веселье, безграмотные грамотеи*. Атрибут в этих сочетаниях перечеркивает значение определяемого слова. К этой разновидности оксюморонов с выраженным отрицанием примыкают следующие высказывания: *Он ни разу не упустил шанс упустить шанс, Она, не стесняясь, демонстрировала свое стеснение, Он выпендривается своим нежеланием выпендриваться*. Высказывания этого типа являются развернутыми оксюморонами, в их основе лежит уступительная конструкция «хотя А, но Б». Нарочитый алогизм выражен в осложненной риторической форме с претензией на остроумие.

Более интересны словосочетания, в которых семантика одного из слов включает признак отрицания, но этот признак не находит формального выражения в аффиксе. Коллокация *пьяный трезвенник* обозначает положение дел, в котором прослеживается противоречие между разными ситуациями: хотя этот человек ведет трезвый образ жизни, сейчас он пьян. Подразумевается, что такое поведение свидетельствует о показном здоровом образе жизни, и это вызывает критику. В словосочетании *живой труп* мы видим эмфатическое сравнение живого человека с мертвецом, подразумевается, что некто предельно устал или потерял смысл жизни. Если кого-либо назвали *престарелые малолетки*, то подразумевается, что этих людей обвиняют в инфантильном отношении к жизни, с возрастом люди должны осознать свои обязанности, избавиться от глупостей и иллюзий и т. д. Выражение *глупая мудрость* содержит отрицательную оценку того, что считается мудростью, речь идет не о мудрости как таковой, а о претензии на мудрость.

Высокая энергетика оксюморонных словосочетаний способствует тому, что они становятся заглавиями текстов, определяя векторы их постижения. Такие сочетания внутренне динамичны. Название «*Оптимистическая трагедия*» включает как минимум два шага в его интерпретации: во-первых, мы понимаем, что, хотя развитие событий завершается трагично, есть основания для сохранения оптимизма, и, во-вторых, мы возвращаемся к исходному значению слова «трагедия», т. е. к сюжету, который заканчивается гибелью героя. Название романа Милана Кундеры «*Невыносимая лег-*

кость бытия» содержит оксюморон, который сталкивает пресуппозиции: подразумевается, что бывает невыносимая тяжесть жизни, соответственно, возникает игровое переосмысление такого положения дел, построенное на антонимах «легкий» – «тяжелый».

Метафорическая антитеза представляет собой более сложное семантическое образование, в котором переосмысливаются оба члена словосочетания: *жидкие гвозди, стальные нервы, бархатная революция*. Такие словосочетания в определенной мере терминологичны. Жидкие гвозди – это специальный строительный клей, включающий мелкофракционный наполнитель. В этом словосочетании атрибут используется в своем прямом значении, а определяемое слово представляет собой сравнение: клей так же прочен, как гвозди. Но в этом сравнении содержится внутренний оксюморон: гвозди сделаны из твердого, а не жидкого вещества. Словосочетание *стальные нервы* является фразеологическим обозначением человека с твердым характером. Нервы в этом сочетании относятся к воле и характеру, сталь считается эталоном твердости.

Известно, что восстания и революции обычно сопровождаются большим кровопролитием. В конце XX века мир столкнулся с новым типом революций в восточной Европе, когда изменение государственного строя не привело к большим человеческим жертвам. Появился политический термин «*бархатная революция*», в прилагательном акцентируется идея мягкости, которая противоречит нашим знаниям о революции.

Прагматические разновидности оксюморона

С некоторыми оговорками можно выделить особый тип оксюморона – антитезу, включающую противоречивые аллюзии, например, «*Это был Мефистофель с улыбкой князя Мышкина*». Безмятежная улыбка известного героя Ф. М. Достоевского контрастирует с образом дьявола. С подобным оксюмороном мы сталкиваемся в разных типах дискурса. Интерпретация таких высказываний требует перехода от семантического анализа к прагматическому, к учету ситуативных и культурных характеристик контекста. Приведу высказывания, содержащие оксиморон, в разных типах дискурса: цитатах, афоризмах и поэтических произведениях.

Выступая в одной из телепрограмм, режиссёр П. Тодоровский сказал:

Как хорошо мы плохо жили!

В этой фразе выражена ностальгия по советской эпохе, которую в то время многие критически оценивали в разговорах на кухне.

Заслуживают внимания ироничные высказывания британского политика Уинстона Черчилля. Некоторые из его остроумных фраз построены на аллюзивном оксюмороне:

Сэр Кингсли Вуд назначен министром совсем недавно, поэтому совесть у него пока чиста.

Предполагается, что министрами назначают квалифицированных и честных людей. Черчилль констатирует, что на этом посту люди часто совершают неблагоприятные поступки. Словосочетание *честный министр* в таком случае становится оксюмороном, как, впрочем, и *честный политик*.

Премьер-министр весьма критично отзываясь об интеллекте своих министров в диалоге с канцлером ФРГ:

Канцлер Аденауэр. *Если бы мне пришлось вновь сотворить мир, я бы предложил, чтобы на этот раз мы не ставили предела человеческому уму и ставили предел человеческой глупости.*

Уинстон Черчилль. *Не согласен! Ведь в этом случае я лишу многих членов своего кабинета.*

Предполагается, что на должность министра назначают умных людей, в устах Черчилля словосочетание *умный министр* становится оксюморонным.

Британский политик очень критично относился к идеям и практике социализма: *Недостаток капитализма – в неравном распределении благ. Преимущество социализма – в равном распределении лишений.*

Из этой сентенции вытекает вывод: у социализма преимуществ нет, и словосочетание *преимущество социализма* звучит как оксюморон.

Обратимся к афористике. Заслуживает внимания проницательное суждение великого античного философа:

Многое из того, что кажется свойственным демократии, ослабляет демократию (Аристотель).

В этом комментарии содержится оксюморон: «*Демократия вредит сама себе*», однако следует обратить внимание на модусный индикатор «кажется».

В афоризмах часто отражаются наблюдения по поводу совмещения в одном и том же явлении противоположных качеств:

Кто запретит пламени, которому предназначено жечь осиные гнезда, перекинуться на благословенные нивы? (Фридрих Шиллер).

В лексической системе языка есть слова, в значении которых совмещаются противоположные оценки, это явление называется энантиосемия (таково, например, содержание слова «простой»). Прагматическое осмысление реальности приводит нас к выводу о том, что многие положения дел могут быть полезными и вредными, достойными и недостойными, и языковым приемом их обозначения является оксюморон.

Читатель улыбнется, увидев следующие фразы:

Молчание – английский способ беседовать (Генрих Гейне).

Сочетание *беседовать молча* содержит абсурдное противоречие, при этом предполагается, что адресату известна нелюбовь англичан к легкому установлению контактов с незнакомыми людьми. Следует подчеркнуть, что этот стереотип относится только к среднему классу, и в наши дни может быть оспорен.

Автор привыкает в конце концов к своей публике, точно она разумное существо (Генрих Гейне).

В этой фразе мы сталкиваемся с нарушением пресуппозиции: речь идет о читателях книг, сентенция содержит оксюморон *неразумная читающая публика*.

В афоризмах можно увидеть аллюзивное обыгрывание известных поговорок. Показательны фразы одного из лучших российских афористов:

Не помнящие зла мучительно разглядывают каждое лицо (Геннадий Малкин).

Возникает смысловое расхождение в понимании выражения *не помнить зла*: в обычном употреблении этой фразы имеется в виду, что люди прощают своих обидчиков, но в этом контексте мы видим возвращение высказывания к его буквальному смыслу. Афорист сочувственно отзывается о людях, страдающих амнезией, потерей памяти (Г. Малкин был врачом, его суждение основано на большой профессиональной практике). Психологически точным является и следующее наблюдение этого автора:

Незванный гость терпеливей хозяина (Геннадий Малкин).

Всем носителям русской лингвокультуры известна поговорка о незваном госте, которая лежит в основе приведенной фразы. Подразумевается, что не следует прихо-

дить в гости без приглашения, и хозяева могут не сдержать своего раздражения. В основе этой фразы лежит оксюморон *бедный незванный гость*, противоречащий привычному осмыслению *бедный хозяин, принимающий незваного гостя*.

Парадоксальны высказывания известного сатирика:

Никому не поставит нас на колени! Мы лежали и будем лежать! (Михаил Жванецкий).

В этой фразе мы видим переосмысление выражения *поставить на колени*, т. е. подчинить. Обычно это патетическое предложение произносят в ситуации угрозы. Но продолжение этой фразы карнавально переворачивает ее смысл: лежать в этом контексте означает – не проявлять никакой активности, прежде всего – избегать работы. Первый смысл этого шуточного заявления сводится к признанию того, что никто не сможет заставить нас работать. Но у этой фразы есть и второй смысл, понятный тем, кто знает о надписи, высеченной на одном из надгробий Самаркандского кладбища Шахи Зинда: *«Лучше сидеть, чем стоять, лучше лежать, чем сидеть, лучше умереть, чем лежать»*. С учетом этой аллюзии проявляется дополнительный оксюморонный смысл шутки М. Жванецкого: *«Усилия суетны»*. Отметим, что интерпретация метафор и оксюморонов в значительной мере зависит от эрудиции и интуиции адресата.

Сатирик часто понижает пафосность известных суждений в своих высказываниях:

Если вы поможете другу в беде, он непременно вспомнит о вас, когда опять попадет в беду (Михаил Жванецкий).

Помощь другу в беде традиционно и по праву считается одной из важнейших моральных норм. Однако некоторые, повторно попадая в беду, начинают злоупотреблять добротой и благородством своих друзей. Возникает оксюморонный вывод: *«Помощь другу в беде поощряет безответственность и беспечность»*. Разумеется, этот вывод расценивается как шутка.

Заслуживают внимания афоризмы, в содержании которых прослеживается критика сложившихся стереотипных представлений о чем-либо, выраженная с помощью скрытого оксюморона:

Образование – это борьба системы с природной одарённостью человека (Александр Аузан).

Предполагается, что образование способствует раскрытию потенциала человека, но в этом суждении содержится парадоксальное наблюдение с противоположным выводом: образование препятствует такому раскрытию. Но примем во внимание косвенно выраженную идею о том, что образование определяется конкретной социальной системой. Заметим, что эту фразу публично произнес декан экономического факультета МГУ, т. е. человек, играющий по должности важную роль в системе нынешнего высшего образования.

Горький вывод о природе человека мы можем прочесть в анонимном суждении:

Нет добрее человека, чем палач на пенсии.

В этом афоризме сталкиваются наше знание о том, чем занимается палач, и парадоксальное наблюдение относительно того, что в частной жизни это могут быть милые и добрые люди. Оксюморон *добрый палач* соответствует глубокому наблюдению Л. Н. Толстого: *«Широк человек, я бы сузил»*.

Оксюморон весьма часто используется в поэзии. Показателен триолет одного из известных русских поэтов Серебряного века:

За струнной изгородью лиры / Живёт неведомый паяц. / Его палаццо из палацц – / За струнной изгородью лиры... / Как он смешит пигмеев мира, / Как сотрясает хохот плац, / Когда за изгородью лиры / Рыдает царственный паяц!.. (Игорь Северянин).

Словосочетание *царственный паяц* является оксюморонами, поскольку шут по своему статусу противоположен королю. В этом тексте выражены и другие антиномии – *хохот* и *плач*, *пигмеи* и *великаны*. Метафора *струнная изгородь* характеризует статус служителя искусства. Можно догадаться, что эта изгородь служит границей между мирами пигмеев и великанов. Такой контраст выполняет эмблематическую функцию, разграничивая миры.

Примеры контекстуального оксюморона мы находим в сатирических стихотворениях одного из ярких сатириков начала XX века:

Много есть на свете мяса, покупающего книги (Саша Черный).

Предполагается, что читатели книг – это образованные люди, носители культуры. В стихотворении, названном «Бирюльки», из которого взята приведенная строка, говорится об обывателях, готовых слушать любых дилетантов и шарлатанов и читать книги таких авторов. Поэт называет таких читателей, используя саркастический оксюморон *мясо, покупающее книги*. К сожалению, это горькое наблюдение, сделанное в начале XX века, не утратило актуальности и в наши дни.

В другом стихотворении поэт говорит о поездке в деревню:

Крестьяне на шляпу мою реагируют странно: / Одни меня «барином» кличут – что скажешь в ответ? / Другие вдогонку, без злобы, но очень пространно, / Варьируют сочно и круто единственно-русский привет (Саша Черный).

Читателям понятно, что крестьяне, увидев городского жителя, беззлобно ругаются, сочетание слов *сочно и круто* не оставляет сомнений по этому поводу. Возникает контекстуальный оксюморон *нецензурный привет*.

Иногда контекстуальный оксюморон смыкается с катахрезой – сочетанием несовместимых по значению слов. Приведу пример из стихотворения нашего современника:

Над миром чёрное торчит поветрие, гуляет белая галиматья. / В снежинках чудная симметрия небытия и бытия (Лев Лосев).

Снежинки в ночном небе названы словосочетанием *белая галиматья*. Галиматья – это бессмыслица, т. е. нечто неприятное и раздражающее. Вместе с тем снежинки красивы, и поэт находит необычное и отчасти абсурдное обозначение для своего восхищения этим мгновением, амбивалентным сочетанием хаоса и чуда.

Иногда в поэтическом тексте трудно провести грань между иронией и трагедией:

Нет ничего прекрасней и привольней, / Чем навсегда с возлюбленной расстаться (Владислав Ходасевич).

Расставание навсегда с любимым человеком противоположно ощущению свободы. Авторский оксюморон *привольность потери возлюбленной* перечеркивает исходную семантику слова «привольный».

Заслуживает внимания столкновение противоположностей в стихотворении Арсения Тарковского о Мандельштаме:

Говорили, что в обличье / У поэта нечто птичьё / И египетское есть; / Было нищее величье / И задерганная честь (Арсений Тарковский).

Оксюморон *нищее величье* допускает такое прочтение: пройдя сквозь боль и унижения, испытав нищету в широком смысле слова, поэт остался великим.

Жизнь противоположна смерти, бытие – небытию, но поэт находит новую анти-тезу:

Я бессмертен, пока я не умер, / И для тех, кто еще не рожден, / Разрываю пространство, как зуммер / Телефона грядущих времен (Арсений Тарковский).

Предназначение поэта – хранить и передавать Слово как высшее воплощение человеческого духа, и поэтому рождается парадоксальный смысл: творчество даёт бессмертие, и отсюда возникает оксюморон *смертный бессмертен*.

Оксюморон представляет собой сжатое взрывное единство противоречивых понятий, интерпретация которых в ряде случаев представляет собой открытый символ:

Летит над нами – маленьким и легким / Беспечным раем для глухонемых – / Воздушная коробочка намеков. / Безмолвный голос. Бессловесный стих (Геннадий Каневский).

Оксюморон *безмолвный голос* напоминает нам о старинном коане, повествовании без логической основы, одном из способов выхода на медитацию в системе дзен-буддизма:

Учитель задал вопрос ученику: Как звучит хлопок одной ладони? Ученик задумался и долго не мог найти ответа, но вдруг понял: Это звук тишины.

Словосочетание *бессловесный стих* на первый взгляд является абсурдным, но задумавшись, мы понимаем, что стих – это особое состояние души. Происходит резкое расширение значения слова.

Выводы

Оксюморон как стилистическая фигура, выражающая полярное противопоставление понятий, имеет семантическое и прагматическое измерения. В семантическом плане можно выделить простые и метафорические (осложненные) оксюмороны, в прагматическом аспекте – культурно обусловленные иронические, эмблематические и символические контрадикторные приемы столкновения смыслов. Содержательно оксюморон варьируется от простого штампа до абсурда. В обиходном общении и публицистике оксюморон используется в основном для достижения комического эффекта, в афористике и поэзии – для парадоксального выражения нового смысла.

Ссылки / References

1. Араева Л. А. Топическая категоризация мысли в языке // Риторика в системе гуманитарного знания: тезисы VII Международной научной конференции по риторике. М.: Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2003. С. 30–33.
2. Атаева Е. А. Лингвистическая природа и стилистические функции оксюморона: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1975. 29 с.
3. Кузнецова А. В. Оксюморон как явление риторического сознания // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 1997. Т. 246. Русский язык. С. 83–84.
4. Курегян Г. Г. Употребление оксюморона в поэтическом языке (на материале стихотворений А. С. Пушкина // Межвузовский сборник научных трудов, посвященный 200-летию со дня рождения А. С. Пушкина. Пятигорск: ПГЛУ, 1998. С. 65–72.
5. Лахманн Р. К поэтике оксюморона (на примере стихотворения Даниэля Наборовского «Krotkosc zuwota») // Лотмановский сборник. Вып. 2. М.: О.Г.И., Изд-во РГГУ, 1997. С. 58–69.
6. Павлович Н. В. Семантика оксюморона // Лингвистика и поэтика. М.: Наука, 1979. С. 238–247.

7. Пастухова В. Я. Парадигматическая и синтагматическая связанность компонентов оксюморонного сочетания: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 1980. 24 с.
8. Судоплатова Г. А. Стилистические функции оксюморона в поэзии Марины Цветаевой // Ученые записки ЗабГТПУ: Филология, история, востоковедение. 2012. № 2 (43). С. 57–60.
9. Татанова Л. И. Дискурсивные характеристики оксюморона в англоязычной художественной литературе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. 24 с.
10. Шестакова Э. Г. Оксюморон как категория поэтики (на материале русской поэзии XIX – первой трети XX веков). Донецк: НОРД-ПРЕСС, 2009. 209 с.
11. Щербakov А. В. Оксюморон // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения: Вестник Российской риторической ассоциации / Краснояр. гос. ун-т; под ред. А. П. Сковородникова. Вып. 1 (8). Красноярск, 1999. С. 110–111.
12. Giora R., Fein O. & Heruti V. Whether Verbal or Visual, Affirmative or Negative, Tautologies are Not Tautologies // *Metaphor and Symbol*. 2020. Т. 35. Iss. 2. P. 97–121.
13. Horn L. R. and Wansing H. Negation // *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* (Spring 2020 Edition). Edward N. Zalta (ed.). 2020. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/spr2020/entries/negation/>.
14. Kostić N. Adjectival antonyms in discourse: A corpus study of scalar and complementary antonyms // *Folia Linguistica*. 2017. Vol. 51 (3). P. 587–610.
15. La Pietra M., Masini F. Oxymorons: a preliminary corpus investigation // *Proceedings of the Second Workshop on Figurative Language Processing*. 2020. July 9. P. 176–185.
16. Levant E., Fein O. & Giora R. Default sarcastic interpretations of attenuated and intensified similes // *Journal of Pragmatics*. 2020. Vol. 166. P. 59–69.
17. Ramat P. Negation // *Concise Encyclopedia of Philosophy of Language*. Ed. by P. V. Lamarque. Oxford, New York: Pegamon, 1997. 599 p.
18. Shen Y. On the structure and understanding of poetic oxymoron // *Poetics Today*. 1987. Vol. 8(1). P. 105–122.
19. Stolorow R., & Atwood G. Bewitching Oxymorons and Illusions of Harmony // *Language and Psychoanalysis*. 2021. Vol. 10 (1). P. 49–52.
20. Квятковский А. П. Словарь поэтических терминов. М.: URSS, 2020. 240 с.
21. Милованова М. С. Противопоставление как художественный прием и как прием научного исследования // *Русская словесность*. 2007. № 1. С. 62–66.
22. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов: пособие для учителя. 3-е изд. М.: Просвещение, 1985. 399 с.
23. Сковородников А. П. Оксюморон // *Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты* / Под ред. А. П. Сковородникова. 3-е изд. М.: ФЛИНТА, 2011. С. 195–198.
24. Москвин В. П. Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры: Общая и частные классификации. Терминологический словарь. Изд. 2, сущ. перераб. и доп. М.: URSS, 2006. 376 с.
25. Бочина Т. Г. Стилистика контраста: Очерки по языку русских пословиц. Казань: Изд-во Казан, ун-та, 2002. 196 с.
26. Москвин В. П. Язык поэзии. Приемы и стили: терминологический словарь. 2-е изд. М.: Флинта, 2018. 459 с.